Кио Эмиль Эмильевич

19.2.2000.

Interpone tuis interdum gaudia curis

СУББОТНИК НГ

ФЕВРАЛЬ – 2000

Независимая газета –

Еженедельное приложение к «НГ» № 6 (6), 19 февраля 2000 г. Выходит с января 2000 г.

● ИЗВЕСТНЫЕ АРТИСТЫ И АРМИЯ стр. 10

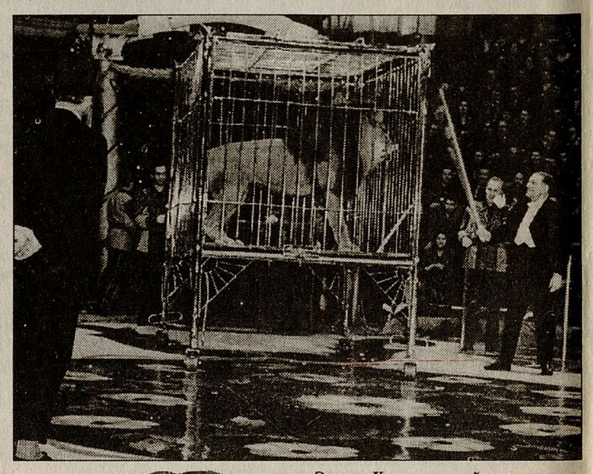
● ТРИЖДЫ КАЗАЧКА КЛАРА ЛУЧКО стр. 11

ТВ ТЕЛЕЗРИТЕЛЯ ОТЛУЧАЮТ ОТ КИНО стр. 13

ТВ ПРОГРАММА ТЕЛЕВИДЕНИЯ НА НЕДЕЛЮ стр. 13

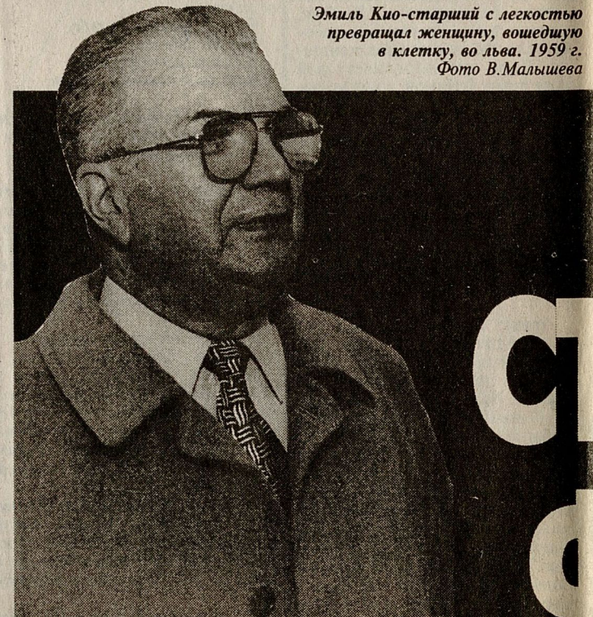
● ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА «НГ» стр. 15

● КУЛЬТУРНАЯ АФИША НЕДЕЛИ стр. 16



Эмиль Кио-старший с легкостью превращал женщину, вошедшую в клетку, во льва. 1959 г. Фото В.Малышева

Игорю и Эмилю Кио вручают значки членов Московского клуба фокусников. Фото ИТАР-ТАСС



ПО ТУ СТОРОНУ ФОКУСА

Женщины предпочитают распиливаться у Эмиля Кио-младшего

Сергей Копылов,
Александр Щуплов

Кио

ЭМИЛЬ ЭМИЛЬЕВИЧ, каково вам было расти в цирковой семье?

– Может быть, скажу банальность, но детство – теперь я это знаю точно! – самое приятное воспоминание в жизни. С одной стороны, я был обычным ребенком, который жил в обычной семье и которого очень любили родители – как первенца. С другой – меня окружал особый мир, который нынешние журналисты именуют непонятным словом «богема». Наш дом посещали очень интересные люди, например, «старая гвардия» МХАТа. То интеллектуальное общение, которое происходило между ними, создавало (здесь я прибегну к дореволюционной терминологии) атмосферу салона. Двери нашего дома были практически всегда открыты настежь: мама была очень хлебосольным человеком. Гости читали стихи...

–...Обсуждали политику...

– Не очень. Может быть, вскользь. В то время обсуждать политическую жизнь страны было небезопасно для жизни обсуждающего. Хотя где еще, как не на кухне, говорить о политике?

Папа избегал политики в своей работе. Была у него однажды в давние времена попытка привнести в иллюзионный номер некоторый элемент пародии на политическую жизнь в стране. Но папе недвусмысленно намекнули... В общем, профессия иллюзиониста в нашей стране стала самой аполитичной. Правда, я от этого не слишком страдаю.

– То есть вы совсем не интересуетесь политикой?

– Постольку поскольку. Политические веяния меньше всего отражаются на мне. На папе политика сильно отражалась и влияла на его жизнь. В разгар борьбы с «космополитизмом» кто-то решил, что иллюзия чужда советскому строю. Зачем на манеже стоит этакий господин в смокинге и бабочке? На счастье, какой-то член Политбюро пришел в восторг от фокусов отца, и жанр оставили в живых.

– Но ведь так или иначе шевеления политической атмосферы отражаются на житье-бытье даже аполитичных иллюзионистов?

– Я сейчас живу то в России, то в Японии. Вот-вот снова уеду в Страну восходящего солнца – до июня. Самые важные события в России – я имею в виду выборы президента – буду наблюдать издалека. Конечно, свои надежды на лучшее я связываю с приходом нового человека на высший государственный пост в стране. Еще в годы советской власти мне приходилось много ездить с гастролями по миру. Так что могу сопоставлять наш и их уровень жизни. К моему великому сожалению, сравнение ни тогда, ни сейчас не в нашу пользу. Самое печальное, не видно более-менее ясного выхода из кризиса. Взять хотя бы те же самолеты, на которых я летаю: нынешние российские самолеты и уровень нашего сервиса до боли напоминают неприхотливый сервис советской страны.

– В России всегда любили сказки (и, наверное, потому так любят ваш фокуснический жанр!). Все надеялись: вот кто-то придет и по щучьему велению изменит жизнь к лучшему...

– Могу судить по своему опыту: любовь к сказкам, а соответственно и к иллюзиям, – явление интернациональное. Людям свойственно мечтать, удивляться и смеяться. А самое главное, человек по своей природе – любопытное существо. Впрочем, понимаю ваш подтекст. Увы, это только в сказках и номерах иллюзиониста раз, два, три – и происходит чудо! В жизни, к сожалению, чудес не бывает. Надо работать!

...Ребенком я жил в необычном мире, можно сказать – в необычной стране, где ходят не на ногах, а на руках, где обычным делом была пробежка по канату на большой высоте, где взрослые кувыркались, как дети, подбрасывали в воздух множество предметов, а они не падали на землю... А мой папа показывал чудеса, которые было невозможно объяснить. Мне, как любому цирковому ребенку, хотелось научиться тому, что делали вокруг. Меня никто не заставлял, но очень скоро я научился делать многие цирковые трюки, даже жонглировал пятью предметами. Естественно, мне хотелось удивлять зрителей, как это делал папа. Учась в школе, а затем в институте, я показывал своим одноклассникам и сокурсникам простые фокусы – на уровне художественной самодеятельности.

– Интересно, как к вам и вашим фокусам относились одноклассники, а потом однокурсники?

– Когда папа гастролировал в Москве, мы всем классом приходили на его выступления. Мои одноклассники не относились ко мне как-то особенно. Они понимали, что у каждого из родителей своя профессия. Работа есть работа!

– В вашей семье существовала проблема «отцов и детей»?

– Родители видели в нас с Игорем продолжателей своего дела. Поэтому они ненавязчиво, тонко, мягко учили нас постигать нюансы профессии. У нас с братом не было особенных разногласий с родителями. Все занимались одним делом, любимым делом. Родители для нас были безусловными авторитетами, учителями. Еще Толстой говорил, что человек учится думать и думает только до пяти лет, а потом идет сбор информации. Мы не чувствовали никакого диктата со стороны родителей, все проходило естественно и ненавязчиво. Проблемы «отцов и детей» в нашей семье не было.

– Вам часто говорили в детстве «нельзя»?

– Меня с самого детства приучали быть человеком слова, не обманывать. Нельзя пообещать – и не сделать! Это и был принцип воспитания, принцип общения.

– В институте вы, разумеется, учились на фокусника?

– Нет, у меня диплом... инженера-градостроителя. Я даже два месяца проработал по специальности – мастером в СУ-37 треста по строительству набережных и мостов.

– И что же построил Эмиль Кио – строитель?

– Начну с того, что учился я довольно-таки неплохо. Мой дипломный проект – реконструкция, благоустройство, планировка и озеленение Театральной площади в Рязани – был осуществлен в натуре. Кстати, это был первый случай в нашем институте, когда дипломная работа студента была воплощена в жизнь. За эту работу Министерство высшего и среднего специального образования наградило меня медалью за лучшую научную студенческую работу в СССР. Так что в Рязани Театральная площадь – моя!

– Невероятное везенье! Может быть, помогла ваша фамилия?

– Фамилия абсолютно ни при чем. Мой проект победил в конкурсе.

– Почему вы не продолжили так блистательно начавшуюся карьеру градостроителя?

– Скорее всего, сказался зов крови. Говорят, те, кто переступили барьер манежа, добровольно оттуда уже не уходят. Я с детства хотел работать в цирке. Но папа, у которого не было высшего образования, считал, что современный человек должен обязательно его получить: получи диплом, а уж потом можешь идти работать куда хочешь, хоть в цирк, хоть дворником... Это сейчас принято иметь не высшее образование, а среднее соображение. А в те годы иметь диплом инженера считалось престижно и почетно. Кстати, тогда и в ГИТИСе еще не было циркового отделения. Технические же знания, полученные в институте, впоследствии очень помогли мне при конструировании моего реквизита (а реквизит в моей профессии очень важен!), и я, между прочим, могу с инженерами объясняться на понятном для них техническом языке.

Мое приобщение к профессии происходило, например, следующим образом: как-то отец находился на гастролях в Англии. Зашел в иллюзионный магазин. Посмотрел каталог фокусов и увидел интересный трюк: фокусник берет мягкий канат, бросает его вверх – и канат становится твердым шестом, по которому лезет гимнаст. Когда гимнаст опускается вниз, шест вновь становится мягким канатом. Еще в каталоге говорилось, что этот трюк в силу своей сложности неисполняем. Отца это раззадорило. Он приехал домой и решил сделать этот номер. Никто не мог придумать, из какого материала сделать канат, чтобы он выдержал вес гимнаста. Я в это время в институте изучал сопротивление материалов. Зная вес гимнаста, я определил те нагрузки, которые испытывает материал, и посоветовал сделать шест из такого-то материала (здесь наш собеседник, верный негласному корпоративному уговору фокусников всех времен и народов, опустил название. – **Ред.**). Канат сделали, номер пошел. До сих пор он сохранился в репертуаре и у меня, и у брата Игоря.

– Существует мнение, что ваш отец Эмиль Теодорович произвел революцию в отечественном иллюзионном жанре...

– До отца у фокусников и иллюзионистов существовала традиция – выдавать себя за особенных людей, связанных с чем-то потусторонним. Мол, черная магия, колдовство... Мой папа первым из иллюзионистов сбросил со своих выступлений покров таинственности. В начале своей карьеры он еще выходил, как тогда было принято у иллюзионистов, в халате и чалме, работал в восточном стиле. Своего рода волшебник и чародей. Потом понял, что зритель растет, становится культурнее, в чудеса уже никто не верит... Он избавился от восточной атрибутики и стал выходить на манеж в обыкновенном костюме или смокинге. Тем самым он хотел подчеркнуть, что никакой он вовсе не волшебник, а просто загадывает зрителям загадки и головоломки. Людям вообще свойственно разгадывать загадки, ребусы, кроссворды.

Папа (вынесем за скобки родство) был великим иллюзионистом. В 1960 году он был признан лучшим фокусником в мире. Это произошло в Англии, куда он приехал на гастроли. На его представление съехались фокусники со всего мира – из США, Франции, Швеции, Дании... После представления Международный магический клуб присудил ему первое место. На следующий год в Дании Международная артистическая ложа вручила ему золотую медаль. Это был четвертый случай, когда артисту цирка присуждалась такая высокая награда. Первым был воздушный гимнаст, испанец по национальности, Кадонов (он первым сделал тройное сальто-мортале); вторым – итальянский жонглер Ростали; третьим – немецкий клоун Грот; папа стал четвертым. Кстати, между третьим обладателем медали и четвертым временной отрезок в четверть века.

– У циркового артиста есть свои особенные секреты...

– Вы правы. Секреты есть, и их очень много. Часть этих секретов знают ассистенты, которые работают в программе. Между прочим, лично я своими маленькими тайнами делился на протяжении шестнадцати лет – с 1976 по 1992 год – с читателями журнала «Юный техник». В этом журнале у меня была фирменная рубрика «По ту сторону фокуса». Она предназначалась для маленьких читателей и учила их мастерить магический инвентарь, чтобы участвовать в художественной самодеятельности. Позже выяснилось, что эту рубрику читали не только дети. Так что возрастного ценза для тех, кто интересуется фокусами, не существует.

– Вы хотите сказать, что иллюзионистом или фокусником может стать каждый?

– В принципе да. Особенно если есть большое желание. Но в иллюзии главное не просто показать фокус, а уметь его преподнести публике. Однажды на гастролях в Одессе я заметил, что из представления в представление в первом ряду сидит один и тот же человек с книгой иллюзиониста Вадимова, в которой были раскрыты секреты всех наших фокусов. В конце концов я подошел к нему и поинтересовался причиной столь пристального внимания. Оказалось, он был поражен тем, что один и тот же фокус я показываю на каждом представлении по-разному... Это во многом зависит от артистизма и режиссуры. Научиться этому очень трудно. В моем случае добиться этого результата было довольно просто: я вырос в этой среде, много гастролировал с папой, пять лет работал с ним в цирке.

– В каком возрасте, на ваш взгляд, человек наиболее удивляем?

– Для нас, иллюзионистов, самый «страшный» зритель – дети. Они очень часто догадываются о механизме фокуса. Дети не обременены высшим образованием, законами физики... Любую проблему они решают элементарно. Однажды после представления ко мне подошел мальчик и передал пухлую тетрадку, в которой описал механизм всех моих фокусов. Представляете, на семьдесят процентов угадал! Если же расспросить после моего представления две тысячи взрослых, они вам дадут две тысячи решений – исходя из своего образования, личного опыта и субъективного мнения. Безнадежное дело! Ну, может быть, один только ответ будет правильный.

– Что является характерной чертой российского зрителя – юмор, любознательность?

– Юмор – явление, не имеющее границ и возраста. А вот что касается любознательности, это наша, отечественная черта. Иностранцы смотрят представление для того, чтобы насладиться зрелищем. В нашем же зрителе постоянно идет мыслительный процесс. Впрочем, в последние годы наш зритель изменился. Современный отечественный зритель стал более раскрепощенным, открыто проявляет эмоции, хлопает, топает. Раньше российский зритель был значительно сдержанней.

– Хочется задать вам один вопрос, которым вас, наверное, уже замучили: действительно ли Дэвид Копперфильд делает уникальные, никем не повторимые иллюзии?

– Лично для меня, да и для всех профессиональных фокусников, шоу Копперфильда никакая не загадка. Он молод, хорош собой, поэтому часть славы снискал помимо сцены. Он хороший манипулятор, пластичен. Но то, что он делает, можно назвать модным нынче словом «клип». Копперфильд делает клипы на сцене. Я не был на его московском представлении, но мои знакомые делились впечатлениями. Говорили, что представление немного затянуто, оттого как бы рассыпается из-за пауз. Его очень хорошо смотреть по телевизору, на видео, где представление уже смонтировано... Кстати, многие фокусники, разработавшие какие-либо иллюзии, нередко продают свои новинки Копперфильду за приличные деньги. У Копперфильда очень хорошая команда профессионалов – режиссеры, осветители, пиротехники...

– Ну а вы летать, как он, можете?

– Это не самый сложный трюк. При наличии современных технологий можно сделать очень многое.

– Вам сразу видны секреты других фокусников?

– Секреты – да. Для меня загадку могут составлять манипуляторы, которые показывают фокусы, связанные с ловкостью рук. В микромагии я могу что-то не знать, но все крупные трюки вижу насквозь.

– Как возникают новые иллюзионные номера?

– Что-то можно услышать, что-то увидеть... Однажды на вокзале папа увидел багажный электрокар и сделал номер: на манеж вывозят «троллейкар»; на нем стоят два человека, которые держат прозрачное стекло. На стекло садится девушка, ее накрывают покрывалом. «Троллейкар» делает круг по манежу, покрывало сбрасывают – девушка исчезает. На этот удивительный номер, как я сказал выше, отца натолкнуло простое наблюдение на вокзале!

Расскажу о появлении одного своего номера: однажды мы ехали по Москве в «Москвиче». Нас было девять человек. Около «Пекина» останавливает милиционер – не был включен подфарник-мигалка. Стали один за другим вылезать из машины. «Ой, как вас много!» – говорит милиционер. На счастье, с нами был Юра Никулин. Он тогда еще не был ни народным артистом, ни заслуженным... Но снялся в фильме «Ко мне, Мухтар!», и известность к нему уже пришла. Юра сказал милиционеру: «Если ты нас не отпустишь, я тебе клянусь: больше милиционеров в кино играть не буду!» Тот нас отпустил. Мы – все девять человек! – сели в «Москвич» и уехали. Мне запомнилось удивление милиционера... Так родился новый номер. Правда, на манеже в моей машине помещалось не девять, а восемнадцать человек. Машина делает круги по манежу, и с каждым кругом из нее выходят все новые и новые девушки. Потом вылезает клоун. И наконец, я. Кстати, количество «пассажиров» в моем номере будет увеличиваться. Хочу довести их до 21 – будет «очко»!

– Ваши шоу обычно отличаются интересным музыкальным сопровождением. Кто подбирает вам музыку?

– В 1968 году мы работали в Харькове и там познакомились с главным дирижером городского цирка Владимиром Михайловым. С тех пор он вот уже 20 лет пишет для нас музыку. В нашей нынешней программе мы использовали мелодии Гершвина и работаем под фонограмму. Гершвин – это выбор моей жены. У меня в музыке нет пристрастий. В детстве меня десять лет учили игре на рояле. Это отбило всю охоту к музыке. Папа не владел никакими музыкальными инструментами, но очень хотел, чтобы дети умели то, чего не умеет он сам. Поэтому и я, и Игорь учились музыке. Я дошел до того, что научился играть «Дунайские волны», а Игорь – песню «Одинокая гармонь». Как-то к нам в гости пришел композитор Модест Табачников. Папа решил похвастаться перед ним, как его дети умеют играть. Я сыграл «Дунайские волны», Игорь – «Одинокую гармонь». Табачников во время концерта сильно заскучал. Потом спросил отца: «И сколько ты за все это заплатил?» Отец посчитал и назвал сумму. Табачников прагматически вычислил: «За эти деньги ты мог бы пригласить Рихтера, и он бы тебе месяц играл!»

– Участвуете ли вы сейчас в профессиональных конкурсах?

– Нет, не участвую: очень громоздкий реквизит, дорогая доставка... Профессиональные конкурсы, естественно, проводятся, но я принимаю в них участие только как член жюри. Между прочим, на последнем конкурсе иллюзионистов (это что-то вроде чемпионата мира) победили наши иллюзионисты Любовь и Иван Нечипоренко.

– Много ли в России хороших фокусников?

– У нас достаточно хороших иллюзионистов. Например, народный артист России Юрий Аверино, Альбина Зотова (она показывает иллюзии на льду), Наталья Рубанова, ныне передавшая аттракцион своей племяннице, Лидия Абдулаева... Хороших иллюзионистов очень много! Но мой отец, как ни пафосно это звучит, является родоначальником отечественных иллюзий. Его имя стало нарицательным. Если помните, то в некоторых фельетонах об особо искусных проходимцах, из тех, кто умел облапошить окружающих, говорили: прямо как Кио! По большому счету, нам с братом в своей профессии было намного легче, чем другим, не надо было создавать имя.

– Почему иллюзионисты – семейная, или, скажем так, клановая профессия?

– Так сложилось, что цирковые училища не готовят иллюзионистов и дрессировщиков. Скорее всего, это не профессия, а призвание. Для него нужна определенная среда, определенная обстановка. В моем случае судьбу предопределила моя семья.

– Не возникала ли у вас идея создать в Москве что-то вроде Уголка Дурова? Уголок иллюзий Эмиля Кио?

– Это была мечта моего папы – создать Театр иллюзий Кио. Конечно, мне бы очень хотелось, чтобы мечта папы осуществилась. Но сейчас это сделать практически нельзя без посторонней влиятельной помощи. Это должно быть уникальное учреждение, где по вечерам идут представления, а днем желающих учат делать фокусы. Идея просто фантастическая!

– Существует ли аналог такого Театра иллюзий?

– Такого театра нет во всем мире, хотя идея лежит на поверхности. Что-то похожее делают иллюзионисты братья Зигфрид и Рой: они вот уже 15 лет работают в отеле «Мираж» в Лас-Вегасе, пользуются колоссальной популярностью и стали достопримечательностью Лас-Вегаса. Нужно ли говорить, что это финансовая находка отеля. Я с ними знаком. Сначала познакомился с господином Зигфридом в Осаке, когда он пришел на мое представление. После представления мы долго с ним беседовали. Он рассказал мне, что толчком к его карьере иллюзиониста послужило мое выступление, на которое когда-то давно он пришел с братом – просто так, поглазеть. Их поразил номер: юношу и девушку сажают в отдельные шары, поднимают над манежем – и меняют местами. Трюк довольно сложный. Естественно, он производил на зрителей большое впечатление. Так вот, по словам Зигфрида, именно этот трюк произвел переворот в их судьбе: они эмигрировали из ГДР в США (в то время это был поступок!), и их взял под свою крышу респектабельный отель.

– А вам поступали предложения эмигрировать?

– О том, чтобы навсегда уехать из России, не может быть и речи. Но у меня сейчас длительный контракт в Японии. Я езжу туда с выступлениями с семидесятых годов. Нынешний мой импресарио японец. Нас пригласил еще его папа – Хома-сан. Сейчас его сын продолжает дело отца. В 1992 году он пригласил нас на три месяца, как обычно приглашают цирковых артистов. Потом предложил остаться, попробовать поработать в варьете. Поработали еще три месяца – и заключили контракт на пять лет. В 1992 году мы последний раз работали в Московском цирке на Цветном бульваре, после чего уехали в Японию на гастроли. Последние шесть-семь лет живу полгода в России – полгода в Японии. Так исторически получилось. В России я не выступал несколько лет. В Японии уже сложилась моя публика, постоянные зрители, создан реквизит, который просто невозможно привезти в Москву ни по воздуху, ни по воде: дорожные тарифы сделали все эти коробки из дерева и картона буквально золотыми. Это 10 ящиков по 20 тонн каждый.

По закону иностранные граждане могут проживать в Японии только полгода. Потом надо хоть на день покинуть страну. Два месяца мы работаем в варьете на Хоккайдо, оставшиеся четыре – на главном острове Хонсю, где выступаем на самых крупных площадках страны. Другую половину года мы проводим в Москве – проедаем то, что заработали в Японии. В 1998 году мой импресарио сделал дубль-реквизиты, и мы смогли два месяца выступать в Санкт-Петербурге – в цирке на Фонтанке. Здесь прошли юбилейные гастроли, посвященные моему 60-летию. Почему в этом цирке? Да потому, что в 1966 году Александр Сонин, директор этого цирка, который и сейчас его возглавляет, не побоялся пригласить меня, еще не оперившегося артиста.

– Читатели не поймут нас, если мы не зададим вам несколько личных вопросов, поскольку ваша большая семья всегда была объектом всеобщего внимания. Ваша супруга тоже из цирковой семьи?

– Иоланта – седьмое поколение цирковых артистов Ольховниковых. Ее дядя – Николай Ольховников – был знаменитым жонглером на лошади, народным артистом СССР. Мама Иоланты – дрессировщица, впервые в мире поставила номер «Собачий футбол». Дедушка был руководителем акробатического номера «Русская тройка». Иоланта выступает и в моих номерах, и самостоятельно. У нее есть единственный в системе номер с попугаями. Если у других попугаи выполняют декоративные функции – все-таки красивые птицы! – то у Иоланты они работают. Есть очень эффектный трюк: попугаи сидят на колечках, Иоланта стоит на площадке, птицам дают в клювы ленточки, и они поднимают ее в воздух...

– Животные не слишком отягощают вас во время гастролей?

– Нет, что вы! У нас даже утки были. Правда, сейчас в Японии разрешают с животными работать только на манеже, а нам приходится выступать и в ресторанчиках...

– По Москве упорно ходят слухи о том, что вы находитесь в натянутых отношениях со своим братом Игорем Кио и что будто бы виновница этого – покойная Галина Леонидовна Брежнева.

– Какая чушь! У нас с Игорем нормальные братские отношения. Мы с ним – немного разные, но выбрали одинаковую профессию. Эта профессия подразумевает длительные гастроли. Может быть, поэтому мы так редко видимся, редко появляемся вместе в обществе. Наверное, это и дает пищу для слухов. И уж тем более мои отношения с братом никак не связаны с Галей Брежневой, царствие ей небесное!

Для того чтобы объяснить наши отношения с Игорем, коротко расскажу историю нашей семьи и брака Игоря и Галины: дело в том, что у нас с Игорем разные матери. Моя мама – Коша Александровна, по-осетински – Кошерхан Тоховна Барукаева. Она работала в осетинском театре, там познакомилась с отцом, когда он приезжал в Осетию на гастроли. Я тоже родился в Орджоникидзе (нынешний Владикавказ), и по паспорту я осетин. Первое звание, которое я получил еще в 1969 году, – заслуженный артист Северо-Осетинской АССР.

После смерти отца весь его репертуар перешел к Игорю. Кстати, репертуар перешел к нему еще и потому, что его мать была ассистенткой у отца. Мне пришлось делать свою программу. На сегодня у нас с ним остался единственный одинаковый номер – «сожжение женщины». Несмотря на кажущийся конфликт (мол, Игорь получил весь репертуар готовым, а я начинал с нуля), ни для меня, ни для Игоря этот факт не являлся яблоком раздора.

Что касается женитьбы Игоря и Галины Брежневой, то я был непосредственным участником и наблюдателем этого события. Свадьба как свадьба. Зарегистрировали брак во Дворце бракосочетания в переулочке вблизи улицы Кирова. Я был свидетелем со стороны жениха, свидетельницей у невесты была юная девушка по имени Наташа. Кстати, она до последних дней общалась с Галей, была ее близкой подругой. Потом мы шумно отпраздновали свадьбу в ресторане «Прага». Был очень узкий круг друзей Игоря и Гали – человек двадцать. А потом они уехали в Сочи.

– На ваш взгляд, это была настоящая любовь?

– Я в этом уверен. У Игоря это была первая любовь. Галя была значительно старше, но их чувства, поверьте мне, были самые настоящие. Галя вообще была светлым человеком. Меня поразила даже не ее внешняя красота, а то, какой она была в общении. Казалось бы, дочь генерального секретаря, а когда мы выезжали на шашлыки, она не чуралась никакой работы. В общении была простой, одевалась скромно: ситцевое платье, босоножки, никаких фантастических драгоценностей на ней я не видел.

– Правда ли, что на разводе настоял Леонид Ильич?

– Это правда. Скорее всего, Леонида Ильича насторожила существенная разница в возрасте молодоженов. Для них обоих это была личная трагедия. Потом они полгода встречались, но в силу обстоятельств дальнейшие отношения были просто невозможны. Очень жаль, что так получилось.

– Почему у вас в паспорте стоит двойная фамилия?

– В самом деле, по паспорту я Ренард-Кио. Это пошло от папы. Когда он начинал свою артистическую карьеру, у артистов было принято брать непонятные иностранные фамилии. Папа посчитал, что его собственная фамилия Ренард звучит недостаточно театрально. Как-то вечером они с приятелями шли после представления домой. Вдруг жена одного из приятелей воскликнула: «Вот как здорово! И коротко, и загадочно! Чем не псевдоним?» – и показала на световую рекламу с тремя неоновыми буквами «КИО». Оказалось, это был кинотеатр, в слове «кино» не горела буква «н». С тех пор мы все – Кио... ■

97